Корм Ж. Религиозный вопрос в XXI веке. Геополитика и кризис постмодерна. Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2012. — 288 с.

Сравнительно небольшая книга Жоржа Корма насыщена и даже перенасыщена ошеломляющими геополитическими обобщениями, сопоставлениями исторических эпох и цивилизаций; ее текстура располагается на грани академического и публицистического жанра, точнее, периодически выплескивается из строгого научного фарватера на острые скалы нынешних политических дискуссий; в языке (в хорошем русском переводе) чувствуется страсть, энергия и позиция ангажированного интеллектуала, притом что его рассуждения отнюдь не производят впечатления простой череды безосновательных лозунгов — они устремляются на самую глубину современных дискурсов о глобальных процессах, претендуя на деконструкцию нынешних эпистемологических умолчаний и расхожих идеологем.

Что ж, поклонникам благородного академического смирения эта книга покажется политическим бурлеском, неуместной претензией на всезнание и даже откровенной политической программой. И они закроют ее на третьей странице. Но смирим смирение, и посмотрим на книгу по-другому, находя в ней истинные заслуги, которых не отнять. Приглядимся к автору. Ливанский католик-маронит; человек глубоко франкофонный (все многочисленные ссылки, за несколькими исключениями — на французских авторов или, меньше, на французские переводы иноязычных авторов); можно сказать, прекрасно образованный интеллектуал — *un intellectuel,* глубоко вписанный во французскую риторическую традицию, с беззаветным самолюбованием блистательными пассажами, могущими вызвать восторг русского и скептическую ухмылку англоязычного читателя; профессиональный политик, бывший, между прочим, министром финансов Ливана в 1998–2000 гг. и занимавший ряд других постов, более связанных с международными отношениями.

Уже вся эта биографическая подоплека делает взгляд автора особым и заслуживающим внимания. Она объясняет его стиль и его подходы. Он мыслит себя в центре мира — почему бы и нет: это наивно, но честно! Что же это за центр? Это — Средиземное море. Но при этом у него две точки отсчета: как он

сам где-то обозначил, два конца Средиземноморья — Ливан и Франция. Первому он обязан острым ощущением многообразия и глобальной вовлеченности в жизнь обществ, и здесь страстно пульсирует опыт ливанской войны и Ближневосточного (Палестинского) конфликта, на котором сходятся все геополитические напряжения современного мира. Франции автор обязан другим — удивительной для действующего политика осведомленностью о философских и историософских дебатах (пост)постмодерна. Автор, как видно из названия, как раз таки и пытается сопрягать геополитику с кризисом философии, выявить (чаще — скрытую) связь между интересами держав и их идеологической легитимацией, отраженной в академических дебатах. Видно, что как ливанец-француз, как человек Средиземноморья, как гордый житель этой «всеобщей колыбели», он прохладно и критически относится к англо-американской «цивилизации» (мы увидим это далее с полной очевидностью) и почти индифферентен к тому пространству, что простирается дальше к востоку от востока арабского, не говоря уже о Южной Америке, Африке или России (последняя интересует его только опытом сталинизма и холодной войны).

Теперь — к содержанию. Книга начинается с описания того, что автор называет «сменой декораций» в мире в течение последних 20–30 лет, а именно — возвращения религии на первый план международной политики. Религия возвращается наряду с интересом к «идентичности» и «корням» во всех проявлениях. *Homo religiosus* становится новым эссенциалистским понятием, сменившем *homo oeconomicus*. Это возвращение является сомнительным благодеянием (*sic!*) постмодерна, полагает автор и пытается разобраться, что стоит за этой «сменой декораций», за этим «бесстыдным» (*sic!*) смешением религиозного и политического в господствующем геополитическом дискурсе.

«Сомнительное» благодеяние, «бесстыдное» смешение — именно эти хлесткие слова выскакивают в начале книги, а потом позиция автора нет-нет да и просвечивает, в Заключении превращаясь в совершенно открытую политическую декларацию, не оставляющую никаких сомнений. Нам становится ясно, что автору активно не нравится смешение религиозного и политического, что он считает его опасным, что «смена декораций» — возвращение религиозного — есть кризис чего-то важного, за что автор готов постоять.

Это важное — Модерн, и защитить его от всевозможных (в т. ч. постмодернистских) ревизий и есть авторская цель. Антигерои автора — политический философ Лео Штраус, «ниспровергающий все достижения Модерна»; философ Рене Генон, отвергающий Декарта и славословящий «традицию»; историк Франсуа Фюре, пересматривающий значение Французской революции (сводя ее к безнравственному террору); немецкий историк Эрнст Нольте, заново интерпретирующий нацизм (сводя его только к реакции на большевизм, то есть на экстремальный модерн). Герои автора — Ханна Арендт, Юрген Хабермас и все прочие, кто остается верен, так сказать, «светлой и позитивной» стороне Модерна.

Откуда грозит старому доброму Модерну главная опасность? Где-то через двадцать страниц из густого текста, полного весьма тонких наблюдений и энергичной полемики, выползает устрашающий контур главного носителя нового религиозного консерватизма — «американской сверхдержавы», которая с начала 1990-х гг., после окончания холодной войны, объявила себя «нацией верующих» и стала выстраивать геополитическую логику в цивилизационных противостояниях, пытаясь убедить мир в реальности конфликта цивилизаций и манипулируя этой идеей для собственного господства. Книга явно писалась по свежим следам Иракской войны и с явной неприязнью к президентству Буша-младшего; на страницах ее чувствуется антиатлантическое раздражение европейца и антиизраильское недовольство ливанца.

Остановимся немного на Израиле. В сущности, именно Америка для Корма — главное действующее лицо в драме по ниспровержению Модерна. Америка по сути — носительница мессианского национализма, который снова и снова облекается в религиозные одежды. Израиль — важнейший союзник Америки (это сверхважно для человека, живущего по соседству), и Израиль, по мнению автора, есть «подлинная икона возвращения религиозности» (с. 151). Насколько можно судить, Корм совершенно не подвержен антисемитизму. (Он резко спорит с Эрнстом Нольте, который склоняется к ревизии Холокоста; Корм же, напротив, говорит о его глубинных корнях.) Но он полагает, что Израиль подыгрывает Америке в ее попытке насадить неоконсервативно-религиозную мифологию мировой геополитики. Корм посвящает целый и весьма любопытный параграф «месту нацизма и Холокоста в западном мировоззрении» (с. 170–178),

утверждая, что западные неоконсерваторы манипулируют Холокостом в двух смыслах: (а) они делают это событие исключительным и как бы не имевшем глубинных причин, полагая нацизм «чудовищем, упавшим с неба» (с. 165), тем самым снимая бремя ответственности с собственной истории, и (б) они подчеркивают свою собственную исключительность оттого, что смогли преодолеть собственную жестокость и «глубоко раскаяться», и потому Холокост им нужен для легитимации собственного чувства морального превосходства.

В чем же, по Корму, глубинные основания навязываемой миру новой геополитической мифологии? Они — в монотеизме. Современные консерваторы только возрождают старую «монотеистическую матрицу». Далее автор предлагает опыт своей «археологии насилия», и монотеизму — в лице христианства — предъявляется суровый счет. Именно монотеизм, с его принципиальным эксклюзивизмом, с его отрицанием Другого, был, по мнению автора, главным корнем насилия последних столетий; именно религиозные войны XVI–XVII вв. и инквизиция (если уже не заглядывать дальше в историю) были главным импульсом всего позднейшего насилия; именно их отзвуком был французский и русский революционный террор; именно в этих свойствах монотеизма — глубокие корни колониальных жестокостей; именно религиозное насилие было прообразом мировых войн XX века; и именно оно, в конце концов, обернулось Холокостом. Итак, все беды и жестокости периода Модерна — это отнюдь не вина самого Модерна, полагает автор; напротив, увлеченно озвучивая «религиозную генеалогию» западного насилия, он пытается снять с Модерна все обвинения.

А что же теперь? Согласно автору, теперь в основе геополитических построений лежит вновь утверждаемый, теперь уже объединенный *иудео-христианский* экслюзивизм (снова очевидный намек на американо-израильский союз). Понятие иудео-христианства, введенное Гегелем и потом развитое Максом Вебером, теперь поднято на щит в качестве главной цивилизационной мифологемы. Это новое понятие, считает Корм, «бесцеремонно вытеснило веру в греко-римские корни Запада, которая господствовала со времен Возрождения» (с. 225).

В чем же воинственный потенциал иудео-христианства, раскручиваемого и навязываемого американскими властями и масс-медиа? Теперь оно направлено против «третьего монотеизма» — ислама. Ислам все-

гда считался «третьим лишним», некой неполноценной традицией (как это видно из приводимых автором презрительных слов Э. Ренана на с. 152). Корм уделяет исламу целую главу, стараясь разоблачить упрощенно-враждебные и алармистские стереотипы эпохи «войны с террором». Он говорит о сложности наследия ислама, рассуждает — весьма подробно — о попытках реформ и поисках толерантной модели внутри ислама, подчеркивает, что в случае ислама воинственный импульс был реакцией на «бесцеремонное» западное давление.

Впрочем, оправдание ислама как жертвы у Корма не идет слишком далеко: в конечном итоге он говорит о «застое» традиции и находит в исламе те же причины фундаментализма, что и в двух других монотеизмах. В целом доминирует идея о том, что *все три* монотеизма находятся в «судорогах и конвульсиях»; они слишком часто и последовательно смешиваются с политикой; геополитическое противостояние иудео-христианства и ислама есть «бесстыдная» (все то же хлесткое словечко!) геополитическая инструментализация религии, источник огромной опасности. Автор эмоционально призывает «сопротивляться использованию религии и фабрикации цивилизационных национализмов» (с. 246); отказаться от злоупотребления понятием «Запад»; прекратить эссенциализировать конфликты цивилизаций.

И вот теперь мы подступаем, собственно, к *credo* Жоржа Корма, которое звучит как откровенная политическая программа в конце работы. Необходимо сохранить республиканизм, гражданственность и политическую мораль, «освобожденную от судорог идентичности, религии и этноса»; вернуться к великой кантовской концепции открытости и космополитизма (*sic!* не мультикультурализма, который есть часть отвергаемой мифологемы!), поставить перед Европой (*sic! versus* Америка) задачу стать гарантом светского гуманизма — всемирного «светского пакта», как щита от угроз, таящихся в религиозном противостоянии; сделать «международную геополитическую сцену республиканским пространством в строгом смысле слова, с которой были бы удалены любые инсценировки идентичности и любое обращение к религиозности» (с. 261–262). И наконец: «Положить конец шатаниям мировой геополитики и скандальной инструментализации трех монотеизмов, которая повсеместно грозит свободам, доставшимся столь дорогой ценой» (263).

Два слова в завершение. Мы можем соглашаться или спорить с либеральной программой Жоржа Корма, отстаивающего с рыцарской отвагой высокие принципы светского модерного универсализма. Но мы не можем не видеть здесь очевидного упрощения и схематизма. Мы уже знаем, что Модерн как историческая реальность всегда находился в более сложных отношениях с религиозными ценностями, чем это кажется строгим поборникам абсолютной светскости. Мы даже знаем, что земная утопия Модерна и христианский Небесный Град имеют несомненные пересечения. Мы давно знаем, что Модерн несводим к благородному вольтеровско-кантовскому универсуму и сам порождал уродливые крайности (включая тоталитаризм), вину за которые абсурдно «вешать» на религиозную реакцию или даже скрытые рецидивы монотеистических инстинктов. Мы также знаем, что современная Америка несводима к неоконсервативной волне, что Барак Обама сменил Дж. Буша-мл., что у идеи «войны цивилизаций», слава Богу, много противников; что Европа, по-видимому, все же выработала прочный иммунитет к такого рода манипуляциям. В общем — мир сложен. И потому рыцарство Жоржа Корма — как это и бывает с рыцарством вообще — кажется немного устаревшим.

И все же к некоторым важным предупреждениям, озвученным ливанским интеллектуалом, надо прислушаться. Геополитические мифы — да, существуют; политики манипулируют массовым сознанием; консервативные элиты — с Запада и Востока — склонны гиперболизировать конфликты «идентичности» и тем самым прямо угрожать достойному, терпимому общению внутри глобальной деревни. Поэтому — отдадим должное беспокойному и искреннему голосу, раздающемуся с Ближнего Востока — «солнечного сплетения» глобальных противоречий.

А. Агаджанян

Смирнов М. Ю. Религия и религиоведение в России. СПб: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. — 365 с.

Религия и наука о религии в России — такова тема новой монографии Михаила Юрьевича Смирнова. Предисловие «От автора» обстоятельно очерчивает этапы его более